

А. П. СЕРГЕЕВ,
*д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права
СПбГЭУ, советник юридической международной компании
DLA Piper Rus Limited (St.-Petersburg), председатель Российского
арбитражного института Международного третейского суда
«IUS» (Санкт-Петербург)*

Т. А. ТЕРЕЩЕНКО,
*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права СПбГЭУ
(бывш. ФИНЭК), профессор кафедры гражданского права
и процесса НИУ «ВШЭ», руководитель аналитического направления
Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»,
адвокат, FCI Arb*

К ВОПРОСУ О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И СВОЙСТВЕ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

К числу общепризнанных в современном правовом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд (международный коммерческий арбитраж)¹.

Поскольку история развития арбитража и соответствующего законодательства не входит в предмет настоящей статьи, ограничимся признанием того, что именно в XX в. развитие правового регулирования, а равно внутринациональной и международной правоприменительной

¹ В России обычно используется термин «третейский суд», который по своему содержанию равнозначен термину «арбитраж»/«международный коммерческий арбитраж», применяемому в других странах и в международных документах. В настоящей статье термин «арбитраж»/«международный коммерческий арбитраж» используется чаще, чтобы подчеркнуть значимость вопроса и единство решения по нему в наднациональном масштабе. Выводы, сделанные в статье, применимы в полной мере и к третейскому разбирательству в России.

практики позволило поставить своеобразную точку в непростом дискуссионном вопросе о недопустимости отождествления правосудия, основанного на законе, с монополией государства на осуществление судебной власти. Это позволяет определить значение и место арбитража в системе осуществления правосудия следующим образом.

Предусмотренный законом порядок третейского разрешения спора, возникшего из гражданских правоотношений, в том числе с признанием по соглашению сторон окончательности третейского решения, не противоречит гарантированному праву на судебную защиту. Выбор формы защиты зависит от усмотрения сторон. Если стороны своим добровольным соглашением передали спор на разрешение третейскому суду, его компетенция носит исключительный характер по сравнению с государственным правосудием и может быть исключена только в случае прекращения действия третейской оговорки по соглашению сторон или при наличии к тому объективных оснований¹ (например, неарбитрабельность спора, недействительность третейского соглашения и пр.).

Полнота, эффективность и своевременность защиты обеспечиваются возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда².

Тем не менее, несмотря на признание третейского разбирательства одной из юрисдикционных форм разрешения спора, ряд вопросов до сих пор не имеет однозначной оценки. Одним из камней преткновения служит спор о преюдициальной силе решений третейских судов.

¹ См. подробнее о природе третейского разбирательства п. 2 Определения КС РФ от 21 июня 2000 г. № 123-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Сибтеллоизоляция» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 87 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был).

² Абзац 3 п. 2 Определения КС РФ от 4 июня 2007 г. № 377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (документ опубликован не был); абз. 5, 6 п. 2 Определения КС РФ от 1 июня 2010 г. № 754-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Газпром экспорт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пунктом 1 части 1 статьи 150 и частью 1 статьи 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 6).

К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства

Так, в России сложилась негативная практика, отрицающая такую преюдициальную силу. Вместе с тем нам она представляется противоречащей существу права на защиту и по сути отрицающей природу третейского разбирательства.

Анализ доктрины и современных тенденций в толковании процессуального законодательства, а равно национальной и международной практики, включая практику по применению Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.¹ (далее — Нью-Йоркская Конвенция 1958 г.), позиции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), решения которого применяются государственными судами РФ напрямую², позволяет утверждать, что имеются все основания для признания за решениями международных коммерческих арбитражей свойство преюдициальности как проявления присутствия им законной силы ввиду следующего.

Положения о преюдициальной силе судебных актов закреплены во всех действующих процессуальных кодексах РФ (ст. 69 АПК РФ, ст. 61 ГПК РФ, ст. 90 УПК РФ). Так, согласно ч. 2—4 ст. 69 АПК РФ обстоятельство, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не допускаются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица; вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле; вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

В ст. 69 АПК РФ (а равно в ст. 61 ГПК РФ, ст. 90 УПК РФ) отсутствует указание на решения третейских и международных коммерческих арбитражей. Однако делать на этом основании вывод о наличии или об отсутствии преюдициальной силы у решений международных коммерческих арбитражей, на наш взгляд, преждевременно.

Преюдиция — это «свойство вступившего в законную силу судебного акта, в соответствии с которым факты, установленные судебным актом, обязательны при рассмотрении иных дел с участием данных

¹ Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

² Согласно Федеральному закону от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514).

сторона»¹. Специалисты едины в том, что преюдициальные факты не подлежат повторному судебному установлению и сохраняют свое значение до момента отмены судебного акта (приговора) в установленном законом порядке. Поэтому преюдициальность означает не только отсутствие необходимости повторно доказывать установленные в судебном акте (приговоре) факты, но и запрет на их опровержение.² Доктринальное понимание понятия «преюдиция» полностью согласуется с его толкованием, отраженным в позициях Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ). Суть этих правовых позиций, наиболее ясно и конкретно раскрытых в Постановлении КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»³, сводится

— преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности;

— введение института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства — с другой. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения; — пределы действия преюдициальности судебного решения активно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства (например, вина как обязательный элемент состава преступления не подлежит установлению в гражданском процессе);

— признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препят-

¹ Костин А.А. Проблема преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей в законодательстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 493–498.

² Новоселова Л.А., Рожкова М.А. К вопросу о силе судебных актов арбитражного суда // Вестник ВАС РФ. 2003. № 5.

³ Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 1.

ствать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам исходя из требований Конституции РФ, в том числе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством пролепур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства (ст. 49, ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Опровержение преюдиции судебного акта, принятого в порядке гражданского судопроизводства, на основании одного лишь несогласия следователя (или суда), осуществляющего производство по уголовному делу, с выводами данного судебного акта позволило бы преодолевать законную силу судебного решения в нарушение конституционного принципа презумпции невиновности и связанных с этим особенностей доказывания в уголовном процессе, игнорировать вытекающие из преюдиции обоснованные сомнения в виновности лица (если решение по гражданскому делу говорит в пользу его невиновности).

Следовательно, преюдициальными считаются такие установленные судебным актом или приговором суда по другому делу факты и обстоятельства, которые не подлежат повторному доказыванию в ином производстве и потому в принципе исключены из предмета доказывания. Свойство преюдиции позволяет исключить различную правовую оценку и квалификацию одних и тех же фактических обстоятельств с участием одних и тех же сторон. Посредством учета свойства преюдициальности осуществляется реализация законной силы судебного акта, означающей его неопровержимость, исключительность и обязательность, поддержание непротиворечивости судебных актов и правовой определенности, что соответствует публичному порядку РФ².

¹ Подробнее об указанных свойствах см.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Н.В. Алексеева, А.А. Арифудилин, Г.А. Жилин и др.; Отв. ред. Д.А. Фурсов. М.: Проспект, 2011. Подробнее см. также: Чечина Н.А. Норма права и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2 / Под ред. В.В. Яркова. СПб., 2004; Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008.

² В постановлениях ЕСПЧ высказана позиция о том, что отступление от требований правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого свойства, и пересмотр окончательного судебного решения возможен лишь для исправления фундаментального нарушения или ненадлежащего отправления правосудия (см., например, Постановление ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная против России», от 12 июля 2007 г. по делу «Ведерникова против России» и от 23 июля 2009 г. по делу «Сутяжник против России» (официальная база решений ЕСПЧ www.echr.coe.int)).

Поскольку свойство преюдициальности неразрывно связано и вытекает из такого качества законной силы, как обязательность, необходимо обратить внимание на то, что законодательство содержит положения об обязательной силе как решений государственных судов, так и решений международных коммерческих арбитражей.

В частности, правило об обязательности решений международных арбитражей закреплено во включенной в российскую систему права (п. 4 ст. 15 Конституции РФ) и обязательной для исполнения Нью-Йоркской конвенции 1958 г., согласно ст. III которой каждое Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений.

Тот факт, что решения международных коммерческих арбитражей для целей принудительного исполнения на территории иного, чем место арбитража, государства требуют прохождения специальной процедуры признания и приведения в исполнение, не означает, что до момента такого признания они не обладают свойством обязательности. Напротив, содержание формулировки ст. III Нью-Йоркской конвенции 1958 г. как раз и обусловлено тем, что решения международных арбитражей подлежат признанию и приведению в исполнение именно ввиду их обязательной силы.

Иначе говоря, признание и приведение в исполнение решений международных арбитражей вовсе не означает, что эти решения вступают в силу только с момента их признания и приведения в исполнение судебным актом какого-либо государственного суда. Указанные решения вступают в силу немедленно с момента их принятия и должны, как правило, исполняться сторонами спора добровольно. К процедуре признания и приведения в исполнение решений международных арбитражей приходится прибегать лишь тогда, когда проигравшая сторона уклоняется от добровольного исполнения.

Не случайно в литературе указывается на то, что процедура признания и приведения в исполнение международного решения **именно подтверждает** (а не устанавливает) его юридическую силу, равную силе решения национального суда.¹

¹ См., например: *Нешатаева Т. Н.* О признании и исполнении решений по хозяйственным спорам судов государств — участников СНГ на территории Российской Федерации // Журнал международного частного права. 1997. № 2 (16). С. 5; *Богатица Ю. Г.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010.

Наделение решений международных арбитражей юридической силой, равной юридической силе решений государственных судов, имеет в своей основе признание того, что **юрисдикционная деятельность международных коммерческих арбитражей по своей сути представляет собой осуществление правосудия.**

Так, к настоящему времени фактически завершена международная дискуссия о недопустимости отождествления правосудия, основанного на законе, с монополией государства на осуществление судебной власти. В частности,

— ЕСПЧ признал, что термин «суд» в ст. 6 Конвенции о правах человека **не обязательно** должен пониматься как юрисдикция классического типа, интегрированная в общую судебную систему государства.¹ Именно потому, что термин «суд» не сводится к судебному учреждению классического вида, включенному в стандартный судебный механизм конкретной страны, ст. 6 Конвенции о правах человека не препятствует учреждению третейских судов (международных коммерческих арбитражей) для того, чтобы разрешать определенные споры, главное, чтобы соблюдались необходимые гарантии²;

— соответственно, юрисдикция (лат. *jurisdiction* — судопроизводство, от *jus* — право и *dico* — говорю) как установленная законом совокупность правомочий шире по своему содержанию и может носить не только государственный (государственная судебная система), но и негосударственный характер (арбитражи);

— в этом смысле распространное нормативное положение о том, что правосудие осуществляется только судом (например, п. 2, 3 ст. 118 Конституции РФ), не опровергает третейскую юрисдикцию в частности и юрисдикцию негосударственных институтов вообще. Необходимо четко различать такие понятия, как государственная защита нарушенных прав и судебная защита как ее подвид. Если бы государство поглотило собой правосудие, выделение судебной защиты нарушенного принципа правовой экономии ввиду своей избыточности;

— поскольку в силу ч. 3 ст. 46 Конституции РФ каждый вправе обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, включая национальные суды, не входящие в судебную

¹ Пункт 76 Судебного решения ЕСПЧ от 28 июня 1984 г. по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» (Официальная база решений ЕСПЧ: www.echr.coe.int).

² См. также постановление ЕСПЧ от 8 июля 1986 г. по делу «Литтоу и другие (Lithgow and others) против Соединенного Королевства», от 3 апреля 2008 г. по делу «Риджент Кампани (Regent Company) против Украины» (Официальная база решений ЕСПЧ: www.echr.coe.int).

систему конкретного государства, постольку это свидетельствует об отсутствии нерасторжимой связи между национальной государственностью и правосудием.

Таким образом, третейское (арбитражное) разбирательство обещпринципно альтернативной юрисдикционной формой разрешения споров. Установление истины в международном арбитражном суде также основано на принципах беспристрастности и независимости арбитров, составзательности и непосредственного исследования доказательств¹. Поэтому следует согласиться с тем, что установление истины в международном коммерческом арбитраже равноценно установлению истины в государственном суде², а сами решения международных коммерческих арбитражей обладают законной силой и носят обязательный характер.

Следствием учета правовой природы арбитражного (третейского) разбирательства, а равно толкования и применения российских процессуальных норм в контексте международных принципов и норм, входящих в российскую систему права и имеющих приоритет над национальным законодательством, является **широкая поддержка и признание в доктрине свойства преюдициальности за решениями международных коммерческих арбитражей**.

Например, Н.Ю. Ерпылева в поддержку тезиса о наличии преюдициального свойства у решений международных коммерческих арбитражей отмечает, что «развитие экономических связей между юридическими лицами из разных государств требует трансграничного признания правовых последствий юридических фактов»³. Вывод о на-

¹ См., например, ст. 27 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (в ред. от 3 декабря 2008 г.) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации) (Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240); приказ ТПП РФ от 27 августа 2010 г. № 39 «О Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей»; Суханов Е.А. Третейские суды и предпринимательские споры // Право и экономика. 1998. № 2; Курочкин С.А. Понятие и система принципов третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 11; Дегтярев С.Л., Ематыхов А.Р. Судебная деятельность как основа определения и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 24–27.

² Костин А.А. Указ соч. С. 493–498.

³ Ерпылева Н.Ю. Международный коммерческий арбитраж: институционно-нормативный механизм правового регулирования // Законодательство и экономика. 2011. № 1. С. 38–58.

К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства
лиции преюдициальной силы у решений международных коммерческих арбитражей содержится в работах В.В. Яркова¹ и С.А. Курочкина².

Практика применения Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., а равно необходимость соблюдения принципов правовой определенности и непротиворечивости судебных актов свидетельствуют о том, что существо и правовые цели преюдиции неизбежно приводят к признанию преюдициальной силы за решениями международных коммерческих арбитражей.

Так, в постановлении ФАС Уральского округа от 12 октября 2005 г. по делу № Ф09-2110/05-С63 отмечается, что «существование на территории Российской Федерации судебных актов равной юридической силы, содержащих взаимоисключающие выводы... вступит в противоречие с принципом обязательности судебных актов российского суда, являющихся неотъемлемой частью публичного порядка Российской Федерации».

Аналогичная позиция отражена в Определении ВАС РФ от 27 августа 2012 г. № ВАС-17458/11⁴, в котором сделан вывод о наличии равной юридической силы у решений международных коммерческих арбитражей и решений государственных судов.

Суд Южного округа Нью-Йорка в решении по делу «Oinoussian Steamship Corporation of Panama v. Sabre Shipping Corporation» (224 F. Supp. 807 (S.D.N.Y. 1963)) постановил, что «арбитражное решение, вынесенное в пределах арбитражной оговорки, обладает преюдициальной силой и эффектом *res judicata*»⁵.

В решении по делу «Этеш Мимарлик Мюхендишлик против Турции»⁶ ЕСПЧ, опираясь на ст. 6 Конвенции о правах человека, указал на недопустимость игнорирования государственных судами фактов, установленных иностранным юрисдикционным органом, поскольку это нарушает право каждой стороны на справедливый суд.

Таким образом, наличие преюдициальной силы у решений международных коммерческих арбитражей обусловлено не только существом и целями такого понятия, как «преюдиция», но и местом

¹ Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфра-Медиа, 2012.

² Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 129–133.

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Цит. по: Костин А.А. Указ соч. С. 493–498.

⁶ Официальная база решений ЕСПЧ: www.echr.coe.int.

международных коммерческих арбитражей в системе юрисдикционной деятельности по осуществлению правосудия. Непосредственным подтверждением этому служат положения и практика применения Нью-Йоркской конвенции 1958 г., а также правовые позиции ЕСЧП. Включение последних в российскую правовую систему (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) определяет **едиственно возможный подход к толкованию положений национального процессуального законодательства исключительно в том смысле, что решения государственных судов и международных коммерческих арбитражей обладают равной силой и потому одинаково преюдициальны.**

В связи с этим не следует переоценивать значение Определения КС РФ от 25 сентября 2014 г. № 2136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹ (далее — Определение КС РФ № 2136-О), в котором указано, что «преюдициальными признаются обстоятельства, установленные судебными постановлениями судов общей юрисдикции, но не решениями третейских судов, что соответствует статусу третейских судов как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, в рамках которой, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 26 мая 2011 года № 10-П, не осуществляется правосудие».

Однако вопрос о том, обладают ли решения третейских судов преюдициальной силой, не был предметом рассмотрения указанного Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации...» (далее — Постановление КС РФ № 10-П)². Оно было посвящено вопросу о **праве третейских судов рассматривать гражданско-правовые споры, касающиеся недвижимого имущества (в том числе об обращении взыскания на недвижимое имущество, заложенное по договору об ипотеке), и о государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании решений, принятых по этим спорам третейскими судами».**

Поэтому мимоходом высказанное в Постановлении КС РФ № 10-П мнение о том, что третейские суды не входят в систему судов, осуществляющих правосудие, вряд ли может служить основанием для вывода об отсутствии у решений третейских судов свойства преюдициальности

К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства и, соответственно, не может считаться сформированной правовой позицией КС РФ.

Аналогично в этой связи заслуживают внимания высказанные в Особом Мнении судьи КС РФ К.В. Арановского, высказанные в Особом Мнении к Постановлению КС РФ № 10-П. В частности:

— «придание правосудию того смысла, что оно образует лишь управление или функцию государственной власти, не вполне согласуется с конституционным принципом правового государства и не имеет достаточных оснований в конституционных положениях...»;

— «представление о правосудии как об институте неизменно государственного происхождения, вовлеченном в государство как его собственное дело или как «отрасль» государственной власти, не имеет исторического, ни актуального подтверждения...»

— «определение третейских, в частности, судов институтом гражданского общества с отказом признать их юрисдикцию внутренне противоречиво. Самому гражданскому обществу в этом случае отказано, по сути, в доверии с подозрением на его неспособность к правосудию, которое должно достаться лишь государству».

Подытоживая сказанное, следует отметить, что неудачные высказывания того или иного национального государственного органа вряд ли могут служить серьезным основанием для пересмотра роли третейского производства в целом. Поэтому в настоящее время есть все основания для признания преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей. Иной подход не только нарушает общепризнанные нормы и принципы международного права, но и способен нанести серьезный ущерб репутации нашей судебной системы и стране в целом.

¹ Документ не был опубликован.

² Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.